

Аннотация

В статье осуществлен анализ такого довольно распространенного лексико-семантического явления в системе глаголов украинского языка, как расширение семантики, приведены примеры, зафиксированные в словарях и текстах публицистического стиля.

Ключевые слова: лексикология, неологизм, лексико-семантическая деривация, многозначность.

Summary

In this article the analysis of such a widespread phenomena recently in the system of Ukrainian verbs as the expansion of semantics is carried out, the dictionaries examples and the examples of the publicistic style texts are given.

Keywords: lexicology, neologism, lexico-semantic derivation, polysemy.

УДК 811.161.1:367.625+622

Яременко Т.Г.,
кандидат филологических наук,
Киевский национальный экономический университет им. В. Гетьмана

НОМИНАТИВ *ОСЕНЬ* КАК МОТИВАТОР ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Время принадлежит к числу фундаментальных категорий, формирующих языковую картину мира. В современной филологической науке взаимосвязь реального времени с формами его отображения в той или иной сфере человеческой деятельности эксплицируется в темпоральных отношениях, которые имеют определённые формальные средства выражения (словообразовательные, лексические, грамматические и др.).

Исследование деривационных возможностей разных групп слов, а также факторов, влияющих на словообразовательную активность, является одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики. Кроме того, не менее важной является проблема конфигурации функционально-семантического поля темпоральности, ядром которого традиционно считается грамматическая категория времени глагола. Ее изучению посвящено множество работ (М.В. Ломоносов, А.А. Потеня, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, А.В. Бондарко, Ю.С. Маслов и др.). Однако вопрос о лексических средствах выражения времени (в том числе и глаголов) остается недостаточно разработанным, что и определяет научную новизну работы.

Объектом нашего исследования являются глаголы с лексическим значением времени, мотивированные существительным *осень*, которые находятся на периферии функционально-семантического поля темпоральности.

Из словообразовательных гнезд, вершинами которых являются названия времен года, СГ с исходным словом *осень* самое маломощное и наименее глубокое. По данным СлСРЯ, в него входят только 8 дериватов [17, I, 704], организованные в адъективный и адвербиальный блоки. На второй ступени, а их всего две, находятся дериваты одного из адъективов (3 слова). По структуре гнездо с вершиной *осень* – веерно-цепочечного типа.

Поскольку слово *осень* принадлежит к замкнутой группе “сезонных” темпорлексем, его значение соотносится с семантикой остальных членов ЛСГ “времена года” в плане темпоральных и качественных признаков. В этой связи в пределах признака “следование во времени” слово *осень* входит в систему эквиполентной перекрещивающейся оппозиции *осень–зима, зима–весна, весна–лето, лето–осень*, отражающей цикличность определенной части временного континуума. Те же отношения пересечения лежат в основе эквиполентной перекрещивающейся оппозиции названий времен года по признаку ‘температурный режим’, который, базирясь уже на антонимических отношениях, обуславливает эквиполентную контрарную оппозицию *зима, лето–весна, осень*. По параметру ‘степень проявления признака температурный режим’ слово *осень* на основе дуративных отношений входит в градуальную оппозицию *зима–весна–лето–осень–зима*.

Так же анализируемая лексема характеризуется по признаку ‘долгота светового дня’ и ‘степень его проявления’. По признаку же ‘вид осадков’, точнее ‘степень проявления этого признака’, слово *осень* образует эквиполентную комплементарную оппозицию с другими членами ЛСГ (на основе семы ‘дождь’: ‘самый–не самый’) и эквиполентную контрарную оппозицию со словом *зима* [9, 239–240].

М.П. Кочерган полагает, что из всех названий времен года слово *осень* “характеризуется самым бедным семантическим содержанием” [7, 54]. БАС определяет его как “одно из четырех времен года, между летом и зимой, отличающееся дождливой, ненастной погодой” [3, VIII, 1088], то есть фиксирует и собственно темпоральные признаки (‘часть года’, ‘сезон’, ‘следует за летом’, ‘предшествует зиме’) и качественно-темпоральные (‘дождь’, ‘ненастье’). МАС ограничился указанием местоположения этого времени года в ряду других: “время года между летом и зимой”, то есть отмечает только темпоральные признаки [14, III, 645]. В БТС, кроме этой характеристики, приводится словоупотребление с пометой *трад.-поэт.* “О поре увядания, старости, приближения конца чего-л.” [1, 728]. “Русский семантический словарь”, который последовательно характеризует не только сами сезоны, но и природу в указанные временные периоды, определяет *осень* как “время года, следующее за летом и предшествующее зиме; время увядания природы” [10, III, 62], фиксируя тем самым и качественно-предметные признаки.

НСРЯ выделяет у слова *осень* уже два значения: “1. Название времени года, сменяющего лето и предшествующее зиме. 2. *перен.* Приближающийся конец жизни, увядание чувств”¹⁹ [8, I, 1148]. Вторая семема сравнительно недавно получила лексикографическую фиксацию, что стало закономерным в результате регулярного речепотребления слова *осень* в этом значении, особенно в языке поэзии: “Взгляните: свежестью молодой И в **осень лет** она пленяет” (Баратынский); “Промотав столько лет, столько зим, столько дымных

¹⁹ Два лексико-семантических варианта значения этого слова отмечены еще в “Толковом словаре русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова, однако в нем приводится такое переносное значение слова *осень*, как “Увядание, одряхление, приближение конца (книжн. поэт.)” [18, II, 862], то есть нет прямой референции к возрасту человека.

подтаявших весен, Я увидела взором сухим: наступает зеленая **осень**” (Глушков). Исследуя типологию СГ с вершинами-названиями времен года, Т.И. Плужникова в 1989 г. определила признак ‘возрастной период в жизни человека’ как информативно-прогнозирующий [9, 263], что через 10 лет нашло подтверждение в русской лексикографии.

Следует отметить, что развитие семантики сезонных слов в сторону метафорического переноса значения (пора года → пора жизни человека) характерно и для украинского языка. Более того, украинские словари зафиксировали это явление раньше, чем русские: *осінь* – “Время приближения старости, угасания чувств, жизни” [16, V, 766]. Определяя денотативную базу слова *осень*, СУМ, подобно БАС, фиксирует и качественную-предметные признаки в названии этого сезона, расширяя их состав референцией в смежные области: “Время года между летом и зимой, которое характеризуется укорочением дня, постепенным похолоданием, отлетом птиц в стаях и т.д.” [16, V, 766]. Включение в дефиницию качественных характеристик не только самого сезона, но и других реалий в этот период (птицы), видимо, не целесообразно, поскольку использование информативно-детализирующих данных [9, 242–243] сближает толкование с энциклопедическим.

В древнерусском языке слово *осень* фиксируется с X в. (начиная с Дог. Игор. 945 г.) [22, I, 607]. Являясь общеславянским [22, I, 607]), слово *осень* “имеет соответствия в других и.-е. языках” [21, 279]. Этимологические данные свидетельствуют, что оно принадлежит к древнейшим гетероклитическим основам на г/н: и-е* *uesg.* род. п. * *ues-n-es* * *es-en* “осень” [11, 28]. Видимо, изначально этот отрезок времени не вычленился из теплого периода, противопоставленного холодному²⁰, поскольку “весна и осень обозначали понятия промежуточные, недостаточно четкие и устойчивые” [20, 112]. Затем он стал осмысливаться как период, связанный с определенным видом деятельности: социализация восприятия подтверждается сближением с гот. *asans* “пора жатвы, лето” [5, IV, 221], д.-в.-н. *aran*, *arn* “урожай” [19, III, 158]. “Далее сближают с греч. *ὀπώρα* “конец лета, жатва”²¹ из **op*’ + *osaġā* “после жатвы”” [Там же]. В этом же ряду – др.-сканд. *opp* (*aznu*) – “полевая работа”, “страда” [22, I, 607]. Таким образом, название *осень* эксклюзивно в силу того, что этимологически оно восходит не к качественным признакам самого периода времени (ср. *зима*, *лето*, *весна*), а к его роли в жизни человека, то есть слово имеет совершенно иную, по сравнению с названиями других сезонов, референцию.

Семантическая структура современного слова *осень* также содержит ряд прагматических признаков, свидетельствующих о значимости этого сезона для хозяйственной деятельности человека. Указанные признаки могут быть выделены, в частности, путем ремотивационного анализа: ‘период стрижки шерсти домашних животных’, ‘период с/х работ’, ‘период сезонных работ’, ‘период заготовок на зиму’, ‘период появления потомства у животных’, ‘период, встреча и проводы которого

²⁰ В то же время в чешском языке обычно употребляется слово *podzim*, а *jesien* – только как поэтизм [22, I, 607].

²¹ ЕСУМ переводит как “пора сбора овощей, осень” [5, IV, 221].

сопровождается обрядом' [9, 178]. Кроме того, по наблюдениям Т.И. Плужниковой, в структуре слова *осень* есть сема 'время созревания плодов' [там же], что с учетом причинно-следственных отношений позволяет говорить и о семе 'время сбора урожая'. Данные анализа формально-семантических отношений между производящим *осень* и его дериватами свидетельствуют о наличии и таких сем, как 'ослабление жизнедеятельности живых существ (не людей)', 'период увядания', 'период опадания листьев', а также вторичного, производного семантического признака 'цвет' (реализуется в семах 'желтый', 'рыжий', 'огненный', 'золотой' и в то же время 'черный', 'серый') [9, 178].

Как подтверждает текстоцентрический анализ, в речевой практике актуализируются, прежде всего, указанные качественно-предметные признаки, отражающие "качественных" изменения в природе: "**Осень**... Обсыпается весь наш бедный сад, Листья пожелтевшие по ветру летят" /А. Толстой/, "Но лето быстрое летит. Настала **осень золотая**" /Пушкин/; ср. в укр. языке: "Горбату голову землі **Вінчає лисиною осінь**" /Маланюк/ "**Осінь** змережила землю мазками вохри, бакану й кадмію" /Тулуб/. Но и качественно-темпоральные признаки также выполняют идентифицирующую функцию: "Жара убывала. Дело шло к **осени**" /Паустовский/ – признак 'температурный режим'; "Уж небо **осенью** дышало, **короче становился день**" /Пушкин/ – дышало осенью, то есть холодом – тот же признак 'температурный режим' и признак 'долгота светового дня'.

В современном русском литературном языке нет глаголов, формально-семантически связанных со словом *осень*. Однако установлено, что "достаточно какому-либо СГ развить одну из своих ветвей дальше других гнезд с подобным исходным словом, как возникает последовательность словообразовательных конструкций (набор аффиксов с пустой "лункой" для корня), которая служит моделью для остальных гнезд, но в последних могут заполняться не все ячейки подряд, а с пропусками – в зависимости от речевой необходимости" [4, 17]. Поскольку в числе производных от названий времен года есть и общеупотребительные глаголы (*зимовать*), и глагольные слова с ограниченной сферой употребления (диалектизмы *зиметь*, *летовать*, *весновать*, *веснеть*), логично предположить наличие производных того же типа и в СГ слова *осень*. Такие дериваты представлены в лексике диалектной подсистемы – *осеновать* и *осенять* (*осенеть*).

Вербатив *осеновать* в значении "жить, проводить где-либо осень; останавливаться где-либо на осень" зафиксирован в нескольких диалектных словарях [15, 96; 13, II, 218]: "*И. Ермак с товарищи своими **осеновал** до зимнего пути*" /Сиб. летописи/, "*Ссылные люди у Соли **веснуют** и **осенуют***" /Акты ист. I.

Мы отмечали наметившуюся в языке говоров тенденцию к омографизму разных значений глаголов данной группы: лексеме *осеновать* (региональные варианты *осеневать* и *осенневать* [12, XXIII, 364]), имеющей экзистенциально-темпоральное значение ("проводить где-либо осень, оставаться на осень" [12, XXIII, 368]), противопоставляется форма *осенов́ать*, которая эксплицирует значение экзистенциально-социальное ("проводить осень на охоте, в лесу" [там

же)]; (ср. *летовать* и *лétовать*). О том, что изначально для обоих значений использовался только глагол *осéновать*, свидетельствует его употребление и с семантикой “проводить осень на полевых работах” [12, XXIII, 368].

СРНГ зафиксировал также дериват *осенничать* в значении “производить сборы сельскохозяйственных продуктов с крестьян в пользу церкви” [12, XXIII, 367]: “Дьяконъ позвал **осенничать**” /Худяков/. Деривационная история этого производного неоднозначна в связи с тем, что, во-первых, словарная дефиниция не отражает формально-семантических связей описываемого слова, во-вторых, как следствие, с возможной множественностью мотивации и соответственно различной морфной структурой производного.

По иной версии деривационной истории производного *осенничать*, оно мотивируется словом *осенник* и образуется с помощью суффикса *-а-* (с чередованием *к/ч*). В силу многозначности суффикса *-ник-* – форманта в деривате *осенник* – последний употребляется в говорах в самых различных значениях: “холодный осенний ветер”, “животное, родившееся осенью”, “жакет” [12, XXIII, 367] и “сезонный рабочий, нанимаемый на осень” [12, XXIII, 367]. Исследованные лексикографические источники не фиксируют у слова *осенник* значения “сельскохозяйственные продукты, собираемые с крестьян осенью в пользу церкви”. Однако это не является доказательством того, что слово *осенник* не употреблялось в языке подсистемы в тот исторический момент, поскольку “в языковом сознании человека каждое слово связывается прежде всего с теми признаками обозначаемой реалии, которые наиболее важны в общественной практике именно данного социума” [2, 49] (ср. укр. *осінщина* – “податок, який селяни сплачували восени поміщиків, церкві” [16, V, 766.]). Возможно, оно было региональным эквивалентом общеупотребительного номинанта более широкой семантики *десятина*: “2. В период феодализма в Древней Руси и в Западной Европе: налог на содержание церкви и духовенства в размере одной десятой части дохода” [1, 254], которое и заменило его с учетом безотносительности ко времени сбора налога.

Видимо, приоритетной следует считать все же первую версию, поскольку модель “основа *S-а* + *-нича (ть)*” представлена в говорах в связи с другим сезонным словом – *зимничать* – “зимовать, отъезжая куда всегда по зимама” [3, I, 682], у которого собственно экзистенциально-темпоральное значение тоже осложнено “социальным” компонентом.

Итак, от слова *осень* образуется глагол *осéновать* (и его морфонологические и словообразовательные варианты) в экзистенциально-темпоральном значении. Он же употребляется и в экзистенциально-социальном значении, как и дериваты *осеновать* и *осенничать*.

Иное денотативно-референтное пространство у производного *осенять* и его абсолютного синонима *осенеть*, созданного по более регулярной модели, также функционирующей в говорах (ср. *зиметь*, *веснеть*). Оба слова употребляются, когда говорят “о наступлении осени” [12, IV, 240]. Закономерность появления такого деривата в русском языке косвенно подтверждается функционированием в

современном украинском языке общеупотребительного слова *осеніти* – “1. безос. Починатися, наставати (про осінь). *Образно. В залі похмурніє, осеніє. 2. Ставати осіннім” [16, V, 759]: “**Осеніє** все і хляне, а пісні, мов ночі <...>” /Сосюра/.

Главным отличием глаголов *осенеть* / *осеять* от рассмотренных ранее является их отнесенность к собственно натурдинамике: в них актуализируются, прежде всего, квалитативно-темпоральные признаки мотиватора.

В говорах употребляется также производное *обосенеть* в значении “1. Быть застигнутым осенью, перестоять осень (о растениях). 2. Перерасти, потерять свежесть и нежность (о растениях)” [12, XXII, 182]. Поскольку в обоих ЛСВ актанты иные, по сравнению с глаголом *осенеть* (в качестве таковых выступают биофакты), логично предположить, что дериват связан формально-семантически не с названным глаголом, а непосредственно со словом *осень* (ср. *обзиметь*). Итак, от вершины словообразовательного гнезда *осень* образуется несколько экзистенциальных глаголов: глаголы начала действия (*осенеть*, *осеять*), глагол бытия-существования в определенном времени (*осэновать*₁) и глаголы деятельности (*осэновать*₂, *осеновать* и *осенничать*). Потенциально допустимы, но не зафиксированы глаголы *проосеновать*, *заосеновать*, *поосеновать*.

Семантический анализ слова *осень* позволяет сделать вывод о возможности его употребления в значении “пора жизни человека”, но в этом случае глаголы от него не образуются.

В диалектной подсистеме у анализируемых производных наблюдается, во-первых, больший генеративный потенциал; во-вторых, расширение объема лексической семантики мотиватора и деривационной семантики аффиксов, используемых для превербации, в то же время у deverбатов может нивелироваться собственно темпоральная семантика, эксплицированная корневым морфом. Особенностью производных, представленных в диалектах, является то, что в отдельных случаях при их формальном соотношении с генерирующим глаголом устанавливаются мотивационные связи непосредственно со словом-вершиной СГ, но не в собственно “сезонном” значении этого слова, а в пределах квалитативного признака ‘температурный режим’.

В языке говоров наметилась тенденция к омографизму разных семем глаголов этой группы, с соответствующим различным акцентологическим оформлением: *осэновать* и *осеновать*.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 2003. – 1536 с.
2. Грузберг Л. А. Взгляд на семантику слова в социолингвистическом аспекте / Л. А. Грузберг // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве : тез. докл. и сообщ. международн. научн. конф., 13–16 окт. 1999 г., Екатеринбург, Россия / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 49.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981–1982.

4. Егоров Г. Г. Значение производного слова и семантика словообразовательного гнезда / Г. Г. Егоров // Лексическая и грамматическая семантика. – Новосибирск, 1985. – С. 14–18.
5. Етимологічний словник української мови : в 7-ми т. / [гол. ред. О. С. Мельничук]. – К. : Наук. думка, 1982–2002. – Т. 1–4.
6. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М. : АСТ: Астрель, 2005. – 636 с.
7. Кочерган М. П. 3 історії слів, що позначають пори року / М. П. Кочерган // Мовознавство. – 1970. – № 6. – С. 41–50.
8. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный (около 250 тыс. семантических единиц : в 2 т.) / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – 2320 с.
9. Плужникова Т. И. Типология комплексных единиц словообразования : прогнозирующая функция / Тамара Ивановна Плужникова. – К. : НПУ им. М. Драгоманова, 2002. – 256 с.
10. Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. / РАН Ин-т рус. яз. ; [под общ. ред. Шведовой]. – М., 2002.
11. Сараджаева Л. Индоевропейские временные понятия и их развитие в армянском и славянском языках / Л. Сараджаева // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : тезисы докладов II Респуб. конф. – Гродно, 1986. – Ч. 1. – С. 25–28.
12. Словарь русских народных говоров / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова]. – Л. : Наука, 1961–1999. – Вып. 1–33.
13. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. – Томск : ТГУ, 1964–1967. – Т. 1–3.
14. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
15. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – перв. пол. XVIII в. / [сост. Л. Г. Панин]. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 181 с.
16. Словник української мови : в 11-ти тт. – К. : Наук. думка, 1970–1980. – Т. 1–11.
17. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2-х т. / Александр Николаевич Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – 856 с.
18. Толковый словарь русского языка : в 4 т. ; [под ред. Д. Н. Ушакова]. – М. : Сов. энциклопедия, 1935–1940.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; [под ред. и с предисл. Б. А. Ларина]. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1986.
20. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи / Ф. П. Филин // Уч. записки Ленинградск. пед. ин-та им. Герцена, 1949. – Т. 80. – 287 с.
21. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Радянська школа, 1989. – 511 с.
22. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1993. – Т. 1–2.

Анотація

Ця стаття присвячена дослідженню лексичної семантики твірного слова, зокрема дієслів, утворених від іменників із значенням часу. Такі деривати знаходяться на периферії лексико-семантичного поля часу. Однак вони недостатньо досліджені ні з точки зору денотативно-сигніфікативного значення, ні в аспекті дериваційних зв'язків, що зумовлює актуальність цієї статті.

Ключові слова: дериват, дієслівна темпорлексема, лексико-семантичне поле часу, словотвірне гніздо, підгніздо, словотвірне значення.

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию лексической семантики производного слова, в частности глаголов, образованных от имен существительных со значением времени. Такие дериваты занимают периферийное положение в лексико-семантическом поле времени (ЛСПВ). Однако до настоящего времени они недостаточно исследованы ни с точки зрения денотативно-сигнификативного значения, ни в аспекте деривационных связей, что обуславливает актуальность этой статьи.

Ключевые слова: дериват, глагольная темпорлексема, лексико-семантическое поле времени, словообразовательное гнездо, подгнездо, словообразовательное значение.

Summary

The present article is dedicated to the lexical semantics of derivatives in particular the verbs formed from the nouns with the meaning of time. Such derivatives occupy peripheral position in lexico-semantic field of time. However they are not investigated till now neither from the point of view of their denotative-significative meaning not from the point of view of their derivative connection, which causes actuality of our investigation.

Keywords: derivative, verbal temporal lexeme, lexical-semantic field of time, word-building, family, sub-family, word-building meaning.

УДК 811.161.2'23+811.161.2'373.4

Хаджиоглова О.Г.,

аспірантка,

Волинський національний університет ім. Лесі Українки

ВИЗНАЧЕННЯ ПРОТОТИПУ КАТЕГОРІЇ “МУЗИЧНІ ІНСТРУМЕНТИ” У ХОДІ ПСИХОЛІНГВІСТИЧНОГО ЕКСПЕРИМЕНТУ

Постановка проблеми. Розвиток лінгвістичної науки останніх десятиліть свідчить про зацікавленість проблематикою зв'язку між мовою та людським пізнанням. Одним із найважливіших питань сучасної когнітології залишається категоризація. Проблема, поставлена ще Аристотелем, із плином часу стала розглядатися під іншим кутом. Багато філософів, між якими і Е. Кант, доклали зусиль до розуміння процесу категоризації. Кант вважав, що категорії конструюють досвід людини і уможливають синтез, що здійснюється та реалізується за допомогою суджень. Щоправда, тогочасним науковцям не вдавалося зрозуміти хибність аристотелівської теорії та сформулювати нові постулати, які відкрили б нову сторінку в поглядах на категоризацію. Навіть у пізніх роботах Л. Віттгенштайна категорії розглядалися як цілком зрозумілі конструкти [5]. Л. Заде свого часу розглядав категорії з розмитими границями, Р. Браун досліджував явища, які пізніше були названі “категоріями базового рівня”, проте лише американському психологу Е. Рош вдалося повністю змінити уявлення про категоризацію. Саме Рош почала розглядати її як один із найважливіших процесів пізнання. І Дж. Лакофф, і Е. Рош наголошують на тому, що категорії відображають не метафізичний світ, навпаки, вони є відображенням нашого світосприйняття [6, 6].